

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1

О.Д. Аганов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: СТРЕМЛЕНИЕ К ПОЛНОТЕ БЫТИЯ

Интенция статьи связана с раскрытием противоречия между онтическим и онтологическим подходами к цели интерпретационного процесса. Автор стремится показать, что богатство интерпретационных практик обусловлено тягой человека / человеческого рода не только постигнуть смысл мира, но и манифестировать свое бытие, создать круг бытия / круг понимания. Однако коренным вопросом смысла интерпретационной деятельности, ее метафизико-антропологическим основанием выступает вопрос о возможности или невозможности человека открыть себя полноте бытия, а следовательно, стать открытым для свободы, для существования.

Ключевые слова: личность; свобода; интерпретация; целостность; полнота; идея; идеал; энтелехия.

Становление человеческого рода, его история могут рассматриваться через призму конституирования различных форм описания и самоописания, позволяющих ему обрести собственную идентичность. Конкретнее, формами понимания и истолкования бытия человека в сущем выступали: герменевтика, экзегетика, интерпретация. Каждая из форм представляет собой своеобразный органон, задающий восприятие мира, место и роль в нем человека.

В переводе с латыни понятие «интерпретация» означает «объяснение, истолкование». Эквивалентом этого понятия на греческом языке является термин «герменевтика», или искусство изложения, систематическое учение об истолковании философских сочинений, юридических документов и произведений искусства, смылосозидательная деятельность человека. Синонимичным по своему смыслу понятиям «интерпретация» и «герменевтика» выступает также слово «экзегетика» (от греч. *exegomai*). Исторически данный термин ассоциируется с характерной чертой религиозной средневековой философии, что не совсем верно, поскольку в древнегреческом обществе экзегетами в Афинах называли двух толкователей священного права [1. С. 132, 228, 648].

Представляется, что в рамках становления древнегреческого общества произошло разделение сознания на *сакральный* и *профанный* уровни, что и нашло «закрепление» за каждым способом практики истолкования. В таком виде метод истолкования дошел и до эпохи зарождения христианства и получил свое развитие именно в трудах Отцов Церкви.

Как видим, уже в древнем мире процедура придания смысла миру, смысла жизни трактовалась неоднозначно, что указывает на многообразие форм интерпретативных практик. Более того, синонимическое родство, но не тождественность перечисленных терминов, отражает формирование в рамках критики мифологического сознания *иных* практик мышления, воспроизводит процессы социальной дифференциации родоплеменного общества. В социально-историческом плане герменевтика получила широкое распространение в эллинистический период античной истории (III в. до н.э. – V в. н.э.). Потребность в эффективном государственном управлении, социокультурных и экономических отношениях в рамках обширной империи поста-

вила на повестку дня унификацию и идентификацию богов и мифов, культов и ритуалов.

В целом для культуры Средневековья характерен культ Библии и содержащегося в ней Слова – Божественного откровения, записанного апостолами. Весь мир, в том числе и природа, вторичен по отношению к Слову Божьему. Природа есть символическое бытие, форма выражения Божественного откровения, воли и творческой мощи Бога. «Книга Природы», по сравнению с Библией, – явление второстепенное.

Лишь в период Возрождения утверждается идея о равноценности Священного Писания и Природы. Именно тогда герменевтика стала восприниматься как искусство перевода античных текстов на живой национальный язык, все более приобретаая светский характер. Определенный вклад в становление теории интерпретации внесла Реформация (Флаций Иллирийский). Признание Священного Писания в качестве источника веры, объявление принципа священства всех верующих, введение богослужения на родном языке верующих, обоснование спасения личной верой, переводы Библии на национальные языки – все эти моменты требовали новых принципов истолкования и критики библейских текстов в соответствии с новыми социальными запросами.

В дискурсе православной традиции экзегетика не ограничивается текстом Библии и Евангелия, а также направлена на *автогерменевтику духовного опыта*. «Православие – это больше чем философская система, моральное учение, идеология или нравственная проповедь... Оно – **свидетельство** (пусть часто молчаливое), которое говорит о захваченности, покорённости человека тем, что истинно существует и что является смыслом жизни и смерти» [2. С. 61]. Исследователи (А.Ф. Лосев, В.Н. Лосский, С.С. Аверинцев, В.В. Бычков, С.С. Хоружий) отмечают, что путь Восточной церкви – это исихазм, мистико-аскетическое подвижничество, путь обожения и богообщения. Западнохристианская парадигма мышления, основанная на длительной традиции римского юридического мировоззрения, в центр внимания поставила **познание**. На излете Средневековья импульс Богопознания выродился в схоластику, в жесткие баталии между реалистами, номиналистами и концептуалистами, «похоронившими», в сущности, саму гносеологическую парадигму

христианства. Неслучайно в XIII–XIV вв. происходит смещение в сторону пантеизма и оккультных практик. Путь православия – путь Богообщения – показал себя как путь *бесконечной патристики*, путь возвращения и воплощения Божественного смысла. В основе православной традиции лежит *прославление* – «точное сохранение, подтверждение и возобновление того Богоотношения, глобальной бытийной ориентации человека, что было дано Писанием» [3. С. 22]. Богообщение – это свидетельство о бытии Бога, включающее бытийную антропологическую перспективу, стратегию *синергии обожения*. Ретроспектива путей развития христианства – гносеологического и синергийно-онтологического – позволяет утверждать, что в историческом разворачивании импульса Богопознания со временем теряется синергийная компонента, она выхолащивается, превращаясь в игры разума. Недостаток онтолого-экзистенциальных сил попытались восполнить деятели христианского возрождения (Николай Кузанский) и Реформации, а в XX в. – католические и протестантские экзистенциалисты (Г. Марсель, К. Барт, А. Мацейна, Р. Бульман). Но этот путь не нашёл серьёзного отклика в социальной политике католичества, не стал основанием для преодоления импульса Богопознания.

В современной философии проблема интерпретации эксплицируется как столкновение исторически различных практик интерпретационной деятельности, переживаемых как кризис или даже отказ от понимания и истолкования. Постепенный спад и аннигиляция интерпретационных практик в современности, их симуляция в различных областях культуры связаны с отходом от восприятия наличия в бытии трансцендентального начала. Состояние апостасии, утраты трансцендентального оборачивается постановкой вопроса о смерти Бога / человека / социальности. Апостасия, редукция метафизического и нигилизм ведут к выхолащиванию социально-философского и антропологического (собственно гуманитарного) дискурса, его свертыванию. Выход из затянувшейся ситуации убийства Бога/ убийства человека связан с утверждением *участного / синергийного мышления*.

На наш взгляд, возвращение значения интерпретационной деятельности возможно только через понимание того, что подлинным предметом социально-философской рефлексии может быть человечество как доминирующий в бытии род сущего, способный активно преобразовать его динамику и сущность. Все бытие человеческого рода в пространстве-времени сущего образует глобальный онтологический герменевтический круг, где модус предпонимания выступает как опредмечивание сущего, а модус понимания – как сфера распредмечивания. Структура герменевтического круга жизни стянута ритмикой трансценденции *вовне и вовнутрь*, что обеспечивает устойчивость человеческого рода в сущем, позволяя ему быть всеединым субъектом истории.

Конституирование и развитие герменевтического круга бытия образует «самое само» динамики бытия человеческого рода, основными моментами которого являются: *преобразование – преображение – претворение – пребывание*. *Преобразование* является первичной «клеточкой» бытия человеческого рода, где происхо-

дит исходное, спонтанное опредмечивание сил сущего. Именно так складывается многообразие (внутренних/ внешних) форм бытия, развитие которых напрямую зависит от способности и возможности распредметить освоенные силы сущего. Именно распредмечивание выступает основой *преображения*, своего рода перехода от трансценденции *вовне* к трансценденции *вовнутрь*. Процесс преобразования порождает феномен субъективности, стремление к самоосуществлению, к бытию. Преобразование создает круг понимания – онтотрансцензус общества и личности, задающий интенции определенной исторической эпохи. Более того, только в акте преобразования рождается человеческий род как всеединый субъект истории, способный развивать как собственные силы, так и силы сущего. *Претворение* и *пребывание* суть моменты бытия человеческого рода, направленные на воплощение и развитие идей, открытых в рамках преобразования.

Таким образом, бытие человеческого рода как всеединого субъекта истории имеет синергийный характер и косвенно выражается в превращенных формах (символах, вещах, институтах, структурах, ситуациях), выступающих своего рода кристаллом смысловых интенций людей, истоком и залогом начала интерпретативной деятельности. В пределе процесс интерпретации и понимания направлен на *преобразование* человека из потенциального субъекта деятельности (истории) в личность, свободно (на свой страх, риск и ответственность) *претворяющую* всеобщие родовые силы в конкретно-историческом бытии и выходящего, тем самым, на уровень *пребывания*.

«Пребывать, пребыть – быть, существовать, жить, находиться, обретаться, постоянно, всегда» [4. С. 383]. Пребытие: а) «больше, чем существование»; б) «бытие в смысле и со смыслом»; в) это путь воплощения, идеи или замысла жизни; г) бытие на пределе, в целостности. Пребытие для личности есть просветление (Будда); спасение (Иисус Христос), просвещение (И. Кант). На наш взгляд, это процесс преобразования строя жизни из аморфного существования в состояние структурной организации. Пребытие, на наш взгляд, это и есть тот самый высший момент бытия *интеллигенции*, называемый А.Ф. Лосевым демиургическим. Уровень пребывания можно передать одним словом – это *чудо*. Следуя имманентной логике интеллигенции, чудо есть *естественное* проявление сверхъестественной, абсолютной силы. Уровень *чуда* – это уровень взаимоотношения и столкновения двух планов действительности, поле развернутого противоречия двух и более личностных планов, когда осуществляется влияние одной личности на другую [5. С. 346–356].

Обретённый в процессе интерпретации смысл нуждается в разворачивании. Интерпретация предполагает поступок, подразумевает личность. Событие мысли означает, что я, как мыслящий, определился по отношению к познаваемому и дальше должен исполниться, состояться в том, что определилось. Таким образом, интерпретация имеет отношение к труду жизни (М.К. Мамардашвили), где процесс истолкования дает возможность воскреснуть в новом качестве, в новом смысле. Интерпретация в этом плане всегда риск. Мы знаем «момент», откуда стартуем, но не знаем, к чему

придем, наше бытие ставится на карту (жизнь под знаком вопроса).

Каждое понимание разрешается поступком, событием, где происходит свершение, воплощение смысла, который можно постичь и продолжить только на волне усилия. Подобная ситуация может быть обозначена как верность постулатам, образующимся при вскрытии смысла социальных структур (проблема выбора). Из верности куётся стиль жизни. Верность требует воли к смыслу: не по букве, а по содержанию. В частности, для христиан таким событием стало явление Сына Божьего Иисуса Христа, своей жизнью и смертью преобразившего (спасшего) мир. Понимание этого события дано в Евангелии и строится самим путём бытия Церкви как тела Христова. Другой вопрос, что далеко не каждый верующий осознаёт, как «мы богаты не только временным, но вечным, не понимает, что мы укоренены там, где нет смерти, нет поражения, нет тьмы, нет разлуки, нет разлада» [6. С. 237]. Линия восхождения к смыслу, верность и внимание к смыслу события пребывания Иисуса Христа спасает от участия.

Интерпретация есть форма существования человеческого рода в модусе интеллигибельности или в модусе смысла (имени, слова). А.Ф. Лосев в «Философии имени» именно с понятием интеллигенции/интеллигибельности связывает бытие человеческого рода в качестве субъекта истории. Он убежден, что «субъект – сам нечто происшедшее и образовавшееся из другого, более универсального источника и никак не может являться абсолютной инстанцией и критерием» [5. С. 101].

Человеческий род / человек становится субъектом только в плане отнесения к металоогической реальности, к абсолютному, трансцендентному. Интерпретация как форма творения бытия личности разворачивает себя в полной мере лишь на кресте действительности, где поле горизонтального общения образуется **общением** с другими личностями, субъектами социокультурного развития. Вертикальная ось общения задана трансценденцией / экзистированием к Абсолюту, формируя круг Богообщения, круг бытия (онтотрансцензус).

Процесс интерпретации есть процесс становления интеллигенции, в которой А.Ф. Лосев выделяет четыре момента: 1) *сверхинтеллигентный*, момент единства, являющийся «источником всякой и всяческой жизни изучаемой сущности и всех её судеб, экстагическую сведённость всей интеллигенции в одну неразделимую точку»; 2) *зидетический*, или собственно интеллигентный, реализующий себя как абсолютное самосознание, выявляющее и открывающее «первый момент, выражающее всю его глубину и сущность»; 3) момент *пневматический* (самосознающую и самоощущающую пневму), данный как абсолютная творчески-волевая жизненность, «ибо жизнь есть неумолчное, непрерывное становление и изменение, движение и обновление»; 4) четвёртый момент – *меонально-сущностный, интеллигентно-соматический, софийный*, или еще конкретнее – личность; 5) пятым моментом развития сущности является момент символический, воплощающий себя через слово, в речи / языке, где символ становится живым существом, действующим, говорящим, проявляющим себя вовне. Это демиургический

момент имени, залог и основа всех возможных актов мысли, воли и чувства [5. С. 101–102].

Иерархия интеллигенции есть познавательная иерархия жизни, всё становление которой есть стремление «от жизненно-животного самоудовлетворения организмов к умно-сердечному и экстагическому самоутверждению себя и всего иного в одной *сверхбытийственной* точке». Сущность, ставшая символом (интеллигенцией), осуществляет себя как демиургическую энергию имени, превращаясь в живое существо (миф), в силу чего становление бытия есть диалектика мифа. Более того, мифический момент имени есть вершина (достигнутая *экс-стазисом*) «диалектической зрелости имени, с которой видны уже все отроги, расходящиеся отсюда по всем сторонам» [5. С. 104–105].

В своём понимании сущности А.Ф. Лосев исходит из паламизма, из дискурса восточно-христианской мысли, где методологически различают энергию сущности и саму сущность. Постигая действия энергии, мы изучаем ипостась сущности, которая именно через энергичные формы и становится интеллигибельной, принципиально познаваемой. Интерпретация «живёт» между *моментами интеллигенции*, устанавливая особое время и пространство (хронотоп), где возможно усмотреть и воплотить смысл (по мере сил). Всё, что создается во время интерпретационной деятельности (смысл, личность, миф), также энергично и требует всегда для своего осуществления возобновления интерпретационных практик. Например, личность бытийствует энергично-демиургически, создавая тем самым прецедент *события*, стяжая вокруг себя силы сущего, преобразуя их в круг бытия, где становится возможной *умная жизнь*, культура.

В *онтологическом* плане интерпретация обретается между небытием и пребыванием, где небытие означает *онтическую*, а пребывание *онтологическую / металоогическую* реальность. Однако пребывание невозможно без действия интерпретации, ибо именно в многообразии интерпретационных практик конституируется бытие, оформляются субъекты развития бытия, своими идеями и действиями умножающими структуру бытия. В частности, А.В. Ахутин говорит о том, что мы за учебниками философии утратили «*палитологическое (обратнонапряжённое, как струна)*» напряжение античной философии, где в едином поле сталкиваются и развиваются два смысла понимания бытия, «два смысла самого бытия. Смысл бытия как события-становления, течения, горения, изменения, действия, жизни, вершения, происшествия – сталкивается – в одном и том же мышлении бытия – со смыслом бытия как пребывания неизменно совпадающей с собой всегда уже завершённости» [7. С. 361].

Метафизика образует вершину развития интерпретации, с высоты которой только и возможно увидеть ее смысл. В конечном итоге сущность интерпретации состоит в процессе подготовки (предстояния) и вхождения/возвращения в круг бытия / круг богообщения, в круг спасения от смерти, одиночества, небытия. На наш взгляд, наиболее чётко метафизика интерпретации раскрывается в концепте «полнота», связанном с аксиологически ориентированным (личностным) бытием. Личностное бытие принципиально разомкнуто в «сто-

рону» идеала (должного, ценности), тогда как такой концепт как «целое/целостность», традиционно соотносимый практикой герменевтики, всецело устремлен к идеям, всегда равным самим себе.

С.С. Аванесов в своем фундаментальном труде «Вольная смерть» [8] предложил различать онтический и онтологический подходы к миру как различие между идеей и идеалом. «Идея выражает собой пассивность, данность, абстрактность, безразличие, наличность, повторение, закон, природу. Идеал выражает собой активность, за-данность, конкретность, ценность, возможность, достижение, свободу, норму. Это уровень бытия личности, сфера поступка» [8. С. 24]. Различая идею и идеал, эйдетическое и идеальное, С.С. Аванесов, вслед за Н.О. Лосским, фактически открывает нам пространство для свободы в её самом радикальном значении – как способа действительного трансцендирования наличного состояния бытия (как такого модуса бытия бытийствующего, которым выражается его способность творчески превосходить данное к заданному, т.е. не аннигилировать это данное, а сублимировать его). Смыкание или «слияние идеи с идеалом закрывает пространство для свободы, ибо эйдос не отпускает от себя, его распоряжение осуществляется как необходимость. Идеал есть онтологический ориентир (символ), его распоряжение осуществляется как предложение свободного возрастания в свой за-данный образ» [8. С. 25].

Главное, что является важным для нас в контексте исследования интерпретации, это то, что, следуя за идеей, а не идеалом, интерпретирующий оказывается в ситуации отказа от её сущности, поскольку «бытийное господство образа (эйдоса) и исключение подобия (идеала) *меонизируют* личность, редуцируя её до статуса материала для осуществления изначально данной идеи». Тем самым аннигилируется смысл интерпретации, которая, как было уже показано выше, конституирует бытие личности, задавая бытийный динамизм и драматизм жизни человека. Целостность, определяемая движением к идеям, исключает всё иное себе, даёт иллюзию устойчивости, самодостаточности, автономности, исключительности. Однако такая «целостность» есть основание примирения с наличным, подчинения данному положению дел. Целое устойчиво (статично) и потому не может изменяться. Целостность есть совершенная внутренняя интеграция. Но эта замкнутость на самого себя есть первый признак безжизненности, экзистенциальной дезинтеграции, монадности, онтического эгоизма... Целостность есть окончательность, завершенность, смерть» [8. С. 30].

Движение к идеалу есть движение к полноте как состоянию антиномического синтеза, сохраняющего онтологическую прерывность, устанавливая «синтез» и поверх, и ввиду этой прерывности. «Полнота бытия (существование) по-иному расставляет акценты: в отношении наличного (в том числе и собственных способностей) тут господствует пессимизм (вплоть до полного отчаяния), но в отношении идеального (ценного) как должного – никак рационально не оправданный оптимизм» [8. С. 34]. Таким образом, стремление к полноте создаёт пространство открытости и свободы.

В *гносеологическом* аспекте интерпретация образует познавательную иерархию движения от точки ин-

туиции до точки сверх-интеллекта, представленной как развернутость, как *пневмо-софийно-демиургический предел* личности, (пред)стоящей перед металогической реальностью бытия как непосредственного самобытия. Различие между точками кардинально и может быть выражено как отличие между предпониманием и пониманием.

В *антропологическом* смысле интерпретация составляет ход глобальной экзистенциальной трансценденции (в противоположность аннигилирующей трансгрессии) человеческого рода, полюсами которого являются до- и пост-история, где история есть, прежде всего, процесс становления и развития интеллекта, развития субъекта истории, всеми своими силами пытающегося установить себя в круге бытия, в круге общения.

В *аксиологическом* формате интерпретация конституируется между ценностями различного порядка, например между теоретическими, эстетическими и этическими установками сознания. Главная задача интерпретации в сфере культуры состоит в выявлении *символа / смысла* культуры, определяющего развитие её субъекта до более зрелых форм (цивилизация). Наиболее полно энергичная сторона интерпретации воплощается здесь в поступке, в жизни как *поступлении*, устанавливающей возможные / свободные формы бытия.

Стремление к пониманию, думается, состоит в том, чтобы превратить каждое понятие / слово в имя. Если объяснение – это оперирование образами и понятиями, то интерпретация – это обращение к именам, трепетное воззвание к ним для того, чтобы они раскрыли перед нами свою тайну. Понимание основано на знании имени. Мы, люди современного, знаем слова и поэтому скользим по поверхности, ибо слова мертвы, они симулякры. Однако *имя – это воплощённая и пребывающая интеллекция*. Пребывание – это экзистирование с именем и в имени. Пребытие разыгрывается как экзистенциальная драма слова и дела. Слово и дело претворяются в личности, в имени личности. Предметность, вскрываемая в каждом событии, приобщается к главному, нанизывается на стержень – имя, делая единым многообразный опыт бытия человека в мире, благодаря чему он не распадается, а, наоборот, стяжает, являя себя центром синергии сил сущего. Г.С. Кнабе отмечает, что энтелехия – одно из самых глубоких философских прозрений в единую сущность бытия и познания. Мы сталкиваемся с ней везде, где потенциальное в сущем становится воплощённой реальностью. Концепт энтелехии позволяет сделать два вывода: 1) в энтелехии реализуется диалог: более общее, исходное и как бы рассеянное начало обретает пластическую завершенность и самодостаточную, самостоятельную данность таким образом, что исходное начало в акте энтелехии не исчерпывается, оно продолжает действовать, и между ним и его воплощением устанавливается определённое двуголосие; 2) с энтелехией связана некая *неполная проясненность*, ускользание от логической ясности и чёткой однозначности, ставящие восприятие этого феномена на грань аналитического познания и внутреннего переживания [9. С. 66].

В культуре реализуются стили – все они, в известной мере, энтелехии духовно-исторической субстанции, реализуемой в творчестве конкретных личностей эпохи. В частности, всякий ставший *творец есть эн-*

телехия. Драма исторического бытия человеческого рода и личности разрешается в произведениях – превращённых формах. «Субъект – Личность – Автор» воплощается в тексте. Именно по нему его идентифицируют, и он сам *соизмеряет* себя с тем, что создал. Идея произведения – это идея спасения, ход против времени в вечность. Культура воспринимается человеком как область сотерологии или спасения. Автор – это субъект, проходящий катарсис путём создания текста и поэтому пребывающий в пространстве смысла. Ясно, что ему недолго там быть, но память об этом моменте будет стержнем, осью в «завихрениях» социально-исторического бытия. Произведение будет его личностным мифом, принципом и центром. В целом, вероятно, произведение – это опыт сосредоточения, воплощения и пребывания, где возможно идентифицироваться для себя и для других. Произведение творится как форма реализации потенциального, мост в сферу актуального.

Создание произведения – это своего рода инициация, включающая опыт смерти и воскресения. После произведения жизнь приобретает *иное* измерение, иную размеренность, требующую своего освоения и воплощения. Яркий пример пребывания рисует в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак. Юрий Живаго – это свидетель, в жизни которого не происходило ничего, а только случались провалы. Именно направленность к смыслу, к истине позволяет ему не закружиться в вихре, революции, гражданской войны [10. С. 390].

Таким образом, в социально-философском / аксиологическом аспекте можно утверждать, что цель интерпретации не только в постижении смысла текста / знания, а в построении онтогенезиса, где интерпретирующий создаёт сферу труда жизни. Иначе, интерпретация есть опыт превосхождения времени, телеса социальности, истории, тупиков и идиотизма повседневности, школа возвращения в круг бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь* Античности: пер. с нем. М., 1989.
2. *Петров Н.И.* Герменевтика внимания в православном опыте. Саратов, 2004. 240 с.
3. *Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб., 2000. 477 с.
4. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 3. 435 с.
5. *Лосев А.Ф.* Сочинения. М., 1999. 1024 с.
6. *Антоний (Блум), еп. Сурожский.* Человек. Киев, 2005. 324 с.
7. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб., 2005. 784 с.
8. *Аванесов С.С.* Вольная смерть. Томск, 2003. 396 с.
9. *Кнабе Г.С.* Понятие энтелехии и история культуры // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 64–75.
10. *Пятигорский А.М.* Непрерывающийся разговор. СПб., 2004. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 января 2011 г.